

ПАРОМЩИК

ОЛЬГА ИШМЕНЕВА

Родилась в небольшом поселке на юге Челябинской области. Окончила Магнитогорский государственный университет. Сейчас живет в Нижневартовске, работает инженером в проектно-институте. Выпускница

литературных курсов EWA и писательской школы Vand. Написание истории считает возможностью прожить нусочку альтернативной жизни и прочувствовать то, что остается за рамками повседневности.

Пить хочется. Я стою на коленях на речном берегу и пытаюсь зачерпнуть ладонью воду, но стоит только опустить руку, как вода расходится, обнажая дно, и пальцы упираются в песок. От бесплотных попыток меня спасает настойчивый звонок в дверь. С трудом разлепил глаза: в телефоне несколько пропущенных звонков от Элины и пара «цветистых» сообщений от Илюхи. Элину в такую рань сможет поднять разве что распродажа в Louis Vuitton и уж точно не желание увидеть бывшего любовника. Натянул халат и поплелся к двери. Коренастый Илюха загородил собой весь проем. От него несло здоровьем, энергией и свежестью осеннего утра. Меня затошнило. Илюха вошел и оглядел беспорядок.

- Доброе утро, богема? – издевательски спросил он и расплылся улыбкой человека, незнакомого с похмельем. Этим утром уж точно.
- Отвали, – огрызнулся я и потащился в ванную. Илюха пошел следом. Захватил по пути пустую бутылку и стал нарочито-внимательно изучать ее:
- Что на этот раз: творческий кризис или несчастная любовь?
- Творческий кризис из-за несчастной любви, – прошипел я сквозь зубную щетку.
- Как имя чаровницы? Эльмина? Жасмина? Нет, подожди, наверняка какая-нибудь Ирма. Всегда удивлялся, почему у твоих баб такие сложные имена.

Я потянулся к бритве, но явно переоценил силы, поэтому ограничился умыванием.

- Короче, собирайся, я купил тебе билет на поезд – ты сегодня уезжаешь.
  - Ты совсем рехнулся? Какой билет? Куда? – раздраженно бросил я.
  - Как там у вас, интеллектуалов, говорят: в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов, – прогундел он.
  - Слушай, давай ты испаришься, а? У меня работы полно и башка как колокол. Илюха перестал кривляться.
  - Егор, вот рисуешь ты чубриков для «стрелялок», зарабатываешь нормальные бабки, ну чего тебе не хватает? – Он пнул мольберт с незаконченным наброском. – Бросил бы уже свои творческие закидоны и практические запои. Нормальную девчонку бы нашел. Катю, Таню, Лену. Нет, тебе фиг знает чего всегда надо. Собирайся, говорю. Одежду теплую возьми. Носки шерстяные. Ты знаешь, что такое шерстяные носки?
  - Илюх, я сейчас свое лицо от пятой точки отличить не в состоянии, а ты мне загадки загадываешь. Не пошел бы ты туда, где солнца не видно? – окончательно разозлился я.
- Но Илюха уже достал рюкзак и невозмутимо рылся в шкафу.

– Мы тут с ребятами на сплав ездили, – выглянув из-за дверцы, сказал он. – По реке покатались: костерок, банька из палатки, супчик из тушенки. Все как доктор прописал. Река широченная, по берегу утесы. Сосны в три обхвата. Деревеньки полувымершие вдоль побережья. У местных самогонкой разживались. Колоритные, я тебе скажу, люди. Вот я и решил: отправлю-ка моего богомного друга в передвижки. Пока он от «благородного» тут не загнулся. Поэтому хватит ныть. Бери карандаши и альбом для рисования. «Доширак» и колбасу я купил. Даже в газету завернул, чтоб ты сразу атмосферой проникся. Собирайся. Поезд в три.

Я попробовал что-то еще вякнуть, но Илюха будто оглох.

После двух кружек кофе его идея перестала казаться фантастической. А после половины пиццы обрела реальные черты.

В два пятьдесят мы стояли на перроне, и Илюха нахлобучил мне на голову идиотскую фиолетовую шляпу с красной лентой на тулье.

– Вот! Теперь настоящий столичный фронт, – гоготнул он. – Развлечешь местных, пусть хоть над тобой поржут. А то жизнь у них не больно веселая.

Через двадцать минут, кое-как расстелив постель, я улегся на полку купе. Через минуту заснул и проспал восемнадцать часов подряд.

– Подвесной кардана развалился, – сказал шофер, вылезая из-под автобуса. – Говорил же механику: закажи! Теперь стой здесь, корми комаров.

Я вышел из автобуса и огляделся. С обеих сторон шоссе стоял плотный хвойный лес, кое-где разбавленный багряно-желтыми мазками листвы. Небо хмурилось, но воздух был теплый. Я не стал дожидаться починки автобуса и зашагал вдоль трассы, сам не понимая, куда направляюсь. Еще раз оглянулся на сломанный автобус: он смотрел мне вслед грустными глазами обреченного животного. Словно хотел сказать: иди и наслаждайся движением, пока можешь.

Не знаю, сколько километров я отмахал, пока рядом не затормозила уставшая «газель». Из нее выглянул молодой парень.

– Эй, мужик, подвезти?

Я оглянулся. Парень усмехнулся:

– Да не бойсь, все путем. Тебе куда надо-то?

Куда мне надо? Да я и сам толком не знаю.

– Деревня Набережный Утес. Мне вроде туда.

– Садись, подкину до развилки – сам до ночи не доберешься. А ночью в лесу ох как любят таких вот заезжих гастролеров пожрать, – подмигнул он.

Я сел. В салоне пахло машинным маслом вперемешку с ядовитым ароматизатором. На пыльной панели сидела фигурка бульдога и утвердительно кивала мне башкой.

– Ты к кому в Набережном? У нас там тридцать дворов всего. Я всех знаю и ихних родственников тоже, которые приезжают. Чужие к нам не навещаются.

– Ни к кому. Художник я. Рисовать вашу речку приехал. Говорят, у вас красиво очень.

Парень подозрительно посмотрел на меня и переключил скорость. Машина нервно дернулась и, получив чуть больше свободы, покатила быстрее.

– Странный ты, – спустя несколько минут сказал водитель. – Надоело в городе? Решил проветриться?

– Можно и так сказать, – ответил я и отвернулся к окну.

Но парень был прав – куда и к кому я еду? Когда спросил у Илюхи, тот только загадочно усмехнулся и сказал: разберешься на месте. Но день не бесконечный и ночевать в лесу, особенно после намека на «гостеприимных хозяев», не улыбалось.

– Подскажи, к кому попроситься переночевать можно? На пару дней.

– А наличные есть? – хитро прищурился парень.

– Есть.

Прошаренный Илюха действительно сунул мне несколько купюр под подкладку шляпы. Хорошо, что я не выкинул ее, когда вышел с поезда.

– Тогда у меня можешь перекантоваться. Нужник на улице, сразу говорю. Деньги вперед.

Я протянул ему пятитысячную, и парень ловко спрятал ее в карман.

– Как тебя зовут-то, художник?

– Егор.

– Ну, здорово, Ягорушка. Я Димас. – Он протянул мне загорелую ладонь со следами машинной смазки.

Мы проехали еще несколько километров, и Димас лихо зарулил на обочину.

– Мне еще до райцентра махнуть надо, так что ты давай, погуляй немного. К вечеру приходи к дому с зелеными воротами. В палисаднике у меня два гладиолуса еще не отцвели – не заблудишься.

Димас практически вытолкнул меня из салона, и машина, взвизгнув шинами, умчалась. В первую секунду я спохватился, что не обратил внимания на номер, но потом махнул рукой.

– Ты меня сейчас разыгрываешь? Какие гладиолусы?

Не то что мне было жаль денег, но, во-первых, оставаться на улице не хотелось. Во-вторых, было тупо обидно за развод.

– Ой, да не мороси ты. Спросишь в деревне, где Димас Соколов живет, – тебе любой пес дорогу покажет.

– А сейчас куда идти?

– По той тропке спустишься. В реку упрешься, там разберешься. Лан, некогда мне.

Димас практически вытолкнул меня из салона, и машина, взвизгнув шинами, умчалась. В первую секунду я спохватился, что не обратил внимания на номер, но потом махнул рукой.

Тропинка, застеленная прелой листвой, ныряла в чащу леса. Плотный влажный воздух был наполнен едва уловимыми звуками: шорохами, легким треском, вскриками птиц. Но жутко не было. Только обострились чувства и подстегивало азартное любопытство. По сторонам росли грибы. Мои микологические познания начинались и заканчивались в Амстердаме, поэтому сейчас я узнал только мухоморы. Их жирные крапчатые шляпы весело разбавляли охристо-зеленую палитру леса. Я настолько проникся величавым безразличием леса, что разочарованно усмехнулся, когда лес поредел и вместо избушки с частоколом, увешанным черепами, впереди показалась река.

Но это зрелище было еще сильнее.

Берег, на котором я стоял, порос изумрудной плюшевой травой. А напротив отвесно поднимались скалы, демонстрируя пласты породы. Сотни серых, коричневых, охристых оттенков перепле-

тались в природной облицовке огромной стены. У меня закружилась голова от их многообразия и гармонии. То там, то здесь на утесах виднелись деревья с причудливо изогнутыми стволами и раскидистыми кронами. Стальное зеркало реки отражало пасмурное небо, и лишь мелкая ртутная рябь изредка пробегала по ней. Я невольно прикоснулся к рюкзаку, в котором лежала упаковка лировских карандашей двадцати четырех несчастных оттенков.

Пока я разглядывал природные краски, на поверхности реки показался небольшой паром. Он легко, как игрушечный, скользил по поверхности. Я спустился с холма и двинулся к реке.

На пароме стоял крепкий высокий старик в лисьей шапке, с которой свисал хвост. Он отталкивался от дна шестом, двигая посудину к берегу. Наконец дощатая палуба мягко уткнулась в песок.

– Здравствуйте! – громко сказал я.

Но паромщик не отреагировал, так и продолжая опираться на шест. «Может, глухонемой», – подумал я, почему-то вспомнив могучего тургеневского Герасима.

– А Набережный Утес на той стороне? – решил задать я контрольный вопрос.

– Ну чего орешь-то? – спокойно ответил дед, степенно разгибаясь и ставя шест в подставку. – Садись. Скоро обратно пойдем, коли тебе в Набережный.

Я шагнул на потемневший, но крепкий настил. Он уютно скрипнул под ногами. Местами виднелись заплатки из свежих досок, плотно вогнанные между старыми и выделяющиеся лишь цветом.

Минут через двадцать паром медленно поплыл на другую сторону. Пейзаж захватил меня. Сумрачное очарование леса уже рассеялось, и здесь, посреди широкой глади реки, пришло чувство простора. Неизменным оставалось только суровое безразличие природы. Ей очевидно нет дела ни до меня, ни до моих мыслей. Я посмотрел на старика. Он стоял у края парома и смотрел вдаль. Его восточные глаза были насыщенно-карего цвета, совсем не тронутые старческой мутью. Седая борода будто срослась на висках с рыжим мехом шапки, не вызывая извечного диссонанса между оттенками золотого и серебряного. Добротный коричневый полубок с остриженным внутри мехом, вероятно, для облегчения тепловых свойств, лоснился на рукавах и карманах. Этот лоск не воссоздать никакими современными технологиями, как бы ни старались современные модельеры. Он, как

кольца на дереве, выдавал возраст. Сколько десятилетий полубух исправно служит своему хозяину? Определить возраст старика было невозможно. По крепости фигуры я дал бы ему лет шестьдесят. Но почему-то было очевидно, что ему гораздо больше. Так выглядит хорошо сохранившийся древний идол, когда лежит под толщей земли. Так и этот старик, законсервированный в суровой первобытности природы, казался ближе к ней, чем к людям. Пока я размышлял, паром пристал к противоположному берегу. Идти было некуда. Даже если Димас кинет меня, то уж как-нибудь найду где переночевать. Я где-то слышал, что люди, живущие в суровых краях, очень отзывчивые. Так уж повелось: сегодня ты помог, завтра тебе. В одиночку тут не выжить. Кто-нибудь да пустит в баню или на сеновал. А утром уеду.

– Можно я посижу здесь? – спросил я старика.

Он мазнул по мне взглядом из-под дремучих бровей, и мне почему-то стало стыдно за свою кислотную куртку: слишком яркая краска выбивалась из общей палитры.

– Сиди, коли заняться нечем, – скупо ответил он. Достал из ящика веревку и принялся вязать узлы.

Я снял куртку и положил под спину. Руки чesались сделать набросок, но я медлил. Казалось, если я сделаю это без разрешения, то нарушу очень важную заповедь человеческого уединения. Старик медленно и обстоятельно шупал веревку крепкими пальцами цвета красного дерева. Пальцы не разгибались до конца, будто и впрямь были деревянными, но это не мешало ему ловко переплетать веревку, создавая какой-то замысловатый узор. Рука была огромной, и я непроизвольно сжал свою: кулак старика был раза в два крупнее моего.

– А можно я вас нарисую? – неожиданно для себя спросил я.

– Зачем? – переспросил старик, и мягкое башкирское его «щ» придало мне храбрости, словно показывая, что под корой сокрыта мягкая сердцевина.

– Я художник... – Я замаялся, откашлялся: что бы я сейчас ни сказал, все бы звучало как оправдание, поэтому начинать следовало с правды. – Плохой художник. Но хочу еще раз попробовать стать лучше.

Старик посмотрел на меня. Я никогда не видел такого взгляда. В его глазах не было ни доброты, ни понимания, ни, напротив, осуждения. В них была справедливость. Так должна смотреть прав-

да, если она существует. Без ложных оттенков суровости или сострадания. Беспримесная, открытая и честная.

– Так рисуй: вон речка, вон рушей.

Я достал альбом и послушно вперился глазами в пейзаж.

Скалистая гряда удивительно графично перекочевала на лист. Я не заметил, как увлекся.

Спустя около получаса я огляделся. Старик возился с рыболовной сетью. Он будто почувствовал мое движение и вдруг сказал:

– И не сосчитать, сколько годов я здесь служу, а не видел ни одного одинакового дня. Это хорошо, что ты рисуешь. Дни не повторяются, а память все не удержит.

– Как вас зовут?

Старик явно был не из разговорчивых, и потому я решил ковать, пока горячо.

– Хароном люди кличут. – Он едва заметно усмехнулся в бороду, и меня снова обволокло его мягкое произношение.

– Вы на него совсем не похожи, – сказал я.

– Если камень назвать лодкой, он все равно не поплывет, – ответил старик. И добавил: – Мать меня Хайдаром назвала. Говорила, значит «лев».

Его руки остановились на некоторое время. Он вспоминал. И я тоже ясно увидел женщину с изумительно белой кожей и нежным взглядом миндалевидных глаз. Видение было настолько яркое, что я тут же сделал набросок: платок, низко прикрывающий лоб, восточные темные глаза, четкий рисунок губ. И монисто. Не знаю, носила ли мать Хайдара монисто, но у меня в голове слышался его мелодичный звон. Карандаш скользил легко, и женщина оживала – словно в кадровом графическом мультфильме. Женщина за шитьем. Женщина у колыбели. Женщина кормит ребенка грудью.

– А как ваше отчество?

– Булатом отца звали, – глухо отозвался старик после долгой паузы.

Руки снова его дрогнули, и я понял, что на сегодня разговор окончен.

Насколько я помню, «Булат» означает «стальной»: солнечное, рыжее имя Хайдар, закованное в сверкающую сталь. Неспроста дрогнули руки старика.

Я просидел на пароме до вечера. Со стариком мы больше не разговаривали. Из пассажиров перевезли только угрюмого мужика да молодую пару: парня с девушкой лет двадцати. Мой альбом наполнился зарисовками почти на треть. Зубчатые утесы с разлапыми деревьями одного берега.

Такую обстановку я видел разве что в музеях деревенского быта. Но мне пришлось по душе атмосфера добротной аскетичности. Я вспомнил свою квартиру с посудомойкой, стеклянными столами и навороченной душевой кабиной. И сейчас она показалась мне кукольным домиком. Впрочем, я и сам был таким же игрушечным, для яркости таскающим на себе куртку цвета, которого не существует в природе.

Холмистая гладь с полоской воды – другого. Паром у причала. Руки старика и его неясный профиль в пушистой шапке. Волнистые волосы девушки и наклоненный к ней парень: мне удалось поймать ее полуулыбку и влюбленный взгляд ее спутника.

Я оставил альбом на скамье, когда на стоянке решил прогуляться до кустов. Когда вернулся, то увидел, как старик неотрывно смотрит на белеющий лист. Ветер открыл альбом на странице с набросками женщины. И хотя это были самые удачные рисунки за сегодня, мне стало не по себе – будто подглядел в замочную скважину. Старик поспешно отвернулся при моем возвращении. И эта поспешность, ему не свойственная, меня удивила.

Стало смеркаться, и я засобирался.

– Голодный, поди, – сказал старик, не глядя на меня.

- Есть такое, – не стал отрицать я.
- Пойдем, накормлю.

Дом Хайдара стоял вдалеке от остальной деревни. Потемневший сруб из огромных бревен был на вид таким же могучим, как хозяин. Дом опоясывал забор из крепкого штакетника. Во дворе было идеально чисто. Лавка у крыльца с перевернутым ведром. Метла в углу и прочие хозяйственные премудрости. В сенцах на стенах висели рыболовные снасти и пучки засохших трав. От них шел пыльно-пряный аромат вперемешку с запахом дерева.

Старик обстоятельно обмел сапоги, снял их и поставил в угол. Я последовал его примеру. Внутри дом состоял из одной большой комнаты и крошечной спальни, вход в которую терялся где-то за печкой. Все было строго и опрятно. Мебель была только самая необходимая: топчан, стол, шкаф и еще мелочи, наподобие лавок и стульев. Выбеленная русская печь занимала почти треть комнаты и была нереально аутентична.

Из холодильника «Зил» с хромированной ручкой Хайдар достал запеченную рыбу, яйца и хлеб. Я скромно уселся за столом и тихонько рассматривал обстановку. В углу кухни притаился старый буфет с резными дверками. Резьба была грубоватая, но рядом с монолитной печью буфет выглядел почти изысканно. Такую обстановку я видел разве что в музеях деревенского быта. Но мне пришлось по душе атмосфера добротной аскетичности. Я вспомнил свою квартиру с посудомойкой, стеклянными столами и навороченной душевой кабиной. И сейчас она показалась мне кукольным домиком. Впрочем, я и сам был таким же игрушечным, для яркости таскающим на себе куртку цвета, которого не существует в природе.

Старик пододвинул мне еду:

- Ешь.

На плите заурчал чайник. Хайдар пошелестел в сенцах травяными пучками и заварил сбор. По комнате поплыл ягодный аромат летнего вечера.

- Пойду курей накормлю, – сказал он и налил в кружку напиток.

Я остался в одиночестве. Встал, прошелся по комнате и, не удержавшись, заглянул в спальню.

Там стояла кровать, покрытая лоскутным покрывалом. А на стене висел портрет. Женщина в национальной башкирской одежде. И молодая копия Хайдара: мужчина с высокими скулами, тонкими усами и жестким взглядом восточных глаз. И да, у женщины по краю головного убора было видно крошечное монисто. Это была та, ко-

Этот человек переносил одиночество с достоинством, для которого у меня не было названия. И если моя жизнь состояла из цветных картинок, то его — из фотографий цвета сепии. Надо ли говорить, что в моем альбоме появилась и юная Арина — смешливая девчонка с конопушками по всему лицу и тяжелой косой вокруг головы.

торую я сегодня так случайно нарисовал. Я загляделся на портрет и не заметил возвращения хозяина. Удивительно, как большие люди умеют тихо подкрадываться. Мне стало неловко за любопытство, но старик будто не заметил моего смущения.

- Мать умерла от горя, — сказал он.
  - Это как? — спросил я.
  - Отца расстреляли, и она не пережила этого. Женщина не должна плакать от горя. Только от счастья.
- Меня женские слезы раздражали, но чтобы трогали? Нет. Такого не помню. Да и плакали ли мои женщины? Скорее истерили.

Хайдар долго смотрел на портрет, а потом его взгляд скользнул в угол рамки. Там виднелось маленькое фото юной девушки.

- А это кто?
- Но он отвернулся и сказал:
- Ложись на топчане. Поздно уже.

Утром я проснулся один. Долго сидел на крыльце с удивительно легкой головой. Мысли не уходили дальше окружающих меня предметов. Рука сама потянулась за карандашом.

Вскоре пришел Хайдар. Принес из курятника свежих яиц и пожарил их на чугунной сковороде. Я больше ничего не спрашивал. После завтрака старик еще какое-то время потоптался по двору, и я сделал несколько набросков: как он метет двор широкими тяжелыми взмахами. Как прилаживает штакетину. Как сыплет в птичью кормушку крошки.

Прошли пара часов, и я решил выйти в деревню, чтобы купить продуктов. Обедать старика, который вел почти натуральное хозяйство, было неловко.

- Я пойду в магазин. Вам что-нибудь купить?

Он посмотрел на меня почти удивленно и махнул рукой. А потом сказал:

- Купи халвы.

Возле единственного магазина было неожиданнолюдно. Судя по громкой речи и возбужденным жестам, жители были чем-то обеспокоены. Но когда они увидели меня, то разом смолкли. В идиотской шляпе (которую я использовал как кошелек) и кислотной куртке я действительно походил на фрика. Что и прочитал в брезгливом выражении лица толстой женщины, похожей на печку из советской сказки. Здесь же был вчерашний знакомец Димас, и у меня внутри потеплело — не обманул. Я вежливо поздоровался и прошел внутрь магазина. Общество двинулось за мной. И верно: неизвестно, чего ожидать от подобного маргинала. Настороженность росла, пока я заказывал продукты. Тогда, чтобы хоть немного расположить их к себе, я громко сказал:

- Халвы еще дайте. Хайдар Булатович просил.

На лицах жителей отразилось недоумение: мелкий старичок в костюме затряс бородкой. Бабулька в цветастом платке охнула, а кряжистый мужик в камуфляжной куртке выдал сквозь зубы:

- Так это ты нашего Харона похитил?

Димка громко заржал, пока я соображал, что ответить.

- Почему похитил? Я у него дома живу. — И совсем не к месту добавил: — Хайдар Булатович согласился мне позировать. Я художник.

Общество снова переглянулось. И в этот момент к магазину подошел миловидный пухлый парнишка. За его спиной торчал собранный спиннинг, мимолетно напоминающий колчан со стрелами, что добавляло ему сходства с купидоном, несмотря на возраст. Старожилы переключились на парнишку, и тетка-печка нарочито ласково произнесла:

- А ты, Валюша, домой, что ли, к Харону не ходил?
- Так это... нет, – пропыхтел парень, – он же до холодов на пароме живет. А что, нашелся?
- Он и не терялся, – вставил я и, приподняв шляпу в знак прощания, направился обратно, оставив жителей в очевидном замешательстве. В конце улицы меня догнал Димка.
- Эй, ты правда у Харона ночевал?
- А что такого?
- Точно ты странный. Только приехал, а уже со стариком сдружился. Про него никто ничего не знает. Даже Николаич... Даже бабка Груня...
- Не знает или не хочет знать? – спросил я. Димка почесал голову, а потом задумчиво ответил:
- Он же, понимаешь... как дух реки. Река вскрывается, и он уже на пароме. Странный он. А сегодня его не было на реке, и вся деревня его потеряла.
- А зимой его никто не теряет?
- Не-е, он же на отшибе живет. Сам по себе вроде...
- Сам по себе, – передразнил я. – Может, просто никто не пытался с ним разговаривать. Дух реки. Харон. Придумали же. Человек как человек. Только сильный и независимый. Делает свое дело. Хорошо делает. Переживания на люди не выносит. Точно дух. Потому что я таких не встречал.

Я прожил в Набережном две недели. Изрисовал весь альбом и наказал Димке привезти еще два. За это время старик потихоньку, по несколько фраз в день поведал мне свою немудреную историю. Не было в ней ничего особенного или героического. И все же меня подкупала подлинность и простота его жизни. Он пережил смерть родителей, потом раннюю смерть жены. Много скитался, еще больше работал. В конце шестидесятых пришел на утес и стал паромщиком. Сколько ему лет, Хайдар точно не знал, но по примерным подсчетам получалось глубоко за восемьдесят. На вопрос, почему он не завел семью снова, он усмехнулся и сказал, что не получилось. Но та нежность, с которой он смотрел на фото юной девочки в рамке, говорила многое. Однажды он произнес, глядя на воду:

- Первый раз я увидел Арину во сне. Конопатую-конопатую. И как встретил – сразу узнал.

Этот человек переносил одиночество с достоинством, для которого у меня не было названия. И если моя жизнь состояла из цветных картинок, то его – из фотографий цвета сепии. Надо ли

говорить, что в моем альбоме появилась и юная Арина – смешливая девчонка с конопушками по всему лицу и тяжелой косой вокруг головы.

Но не только жизнь Хайдара поместилась в моих альбомах.

С того дня, как я «познакомил» жителей с их паромщиком, я каждый день шастал по деревне и собирал в альбом зарисовки историй. Этакие мемори-комиксы: смешные и грустные, давнишние и современные, сюжетные и мимолетные.

По приезду в Питер я с головой ушел в обработку материала. Нашел студентку филфака, которая дописывала и редактировала тексты. Ее зовут Маша. И больше про нее я ничего не скажу. А через девять месяцев... мы выпустили первый журнал графических историй.

Осенью я вернулся в Набережный Утес. На этот раз автобус довез меня до места. Еще издали я увидел паром. Только он не двигался. Я спустился к берегу и стал ждать. Но ни через час, ни через два паромщик Хайдар не приплыл за мной...

Миф гласит, что Харон никого не выпускает из подземного царства. Но со мной случилась совсем другая история.

Я вышел из собственного подземелья, и паромщик вывез меня на свет.

Возможно, я снова потеряюсь, но теперь я хотя бы точно знаю, куда в этом случае нужно плыть.

